

Анни Безант

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

(Учение о перевоплощении в связи с современными эволюционными теориями)

Вопрос о перевоплощении так обширен, что заглавием которое я выбрала, я ограничила его рассмотрение. Я не берусь говорить о всём учении, но лишь об особенной части его, о необходимости перевоплощения. В уме слушателя возникнет много вопросов, на которые я не могу надеяться ответить в одной короткой лекции — вопросов о том, почему не все мы помним прошлое; почему, оглядываясь назад, мы не видим ясно умственным оком того, как росли наши характеры, как развивались наши мыслительные способности, наша нравственность. Много вопросов такого рода возникнет, но сегодня я хочу показать вам только, что перевоплощение возможно по крайней мере как рациональное объяснение человеческой жизни, прогресса и человеческого характера; что оно помогает нам разрешать многие вопросы жизни, и что науке необходима эта теория для дополнения её учения об эволюции. Она необходима также и с нравственной точки зрения, чтобы сохранить нашу веру в божественную справедливость и божественную любовь, несмотря на многие ужасные факты человеческой жизни и человеческого страдания; она необходима для человеческого совершенствования. Если мне удастся показать вам это и выяснить, что учение о перевоплощении, при всей его необходимости, не принадлежит одним лишь восточным религиям, а и древнему христианству так же, как и другим великим религиям; если вы убедитесь, что в христианской древности в продолжение пяти столетий оно стояло неприкосновенным на ряду с теми учениями, которые проповедывались учителями и епископами христианской церкви, и что оно никогда не исчезало вполне из сферы христианской мысли и не теряло места в христианской литературе, что его возобновление — теперь есть возобновление истины, отчасти забытой, а не усилие навязать христианству учение чуждой религии — когда я смогу сделать это, то, может быть, мне удастся несколько рассеять ту путаницу в мыслях обычного христианина, которая заставляет его почти сторониться от рассмотрения этого учения, и направить вашу мысль к самостоятельному решению: следует ли принять учение о перевоплощении, или отвергнуть его, потому что, по моему мнению, лектор не должен догматизировать, устанавливать законы для мысли другого человека, производить всю работу мысли и только тогда предлагать свой вывод. Долг лектора только в том, чтобы изложить истину так, как она видна ему, оставляя рассудку и совести каждого принять или отвергнуть её по своему выбору.

Итак, я должна изложить перед вами учение; судить же должны вы, а не я.

Прежде всего о необходимости перевоплощения с научной точки зрения. Существуют два крупных учения об эволюции, которые, можно сказать, разделяют научный мир на две половины. Одно из них несколько отступает на задний план, другое всё более и более выдвигается. Первое учение об эволюции

Чарльза Дарвина, второе новейшее учение Вайсмана [генетика — ред.]. Оба эти учения необходимы нам, и оба для своего дополнения нуждаются в учении о перевоплощении, потому что и то и другое вызывают вопросы, на которые может ответить только перевоплощение, и в обоих возникают трудности, разрешимые только в свете этого древнего и всеобщего учения. Я не утверждаю, что оно должно быть справедливо только потому, что иначе эти трудности неразрешимы; я говорю, что когда вы встречаете учение, отвечающее на вопросы, на которые наука не отвечает, разрешающее такие трудности, которых наука не разрешает, то это учение заслуживает быть выслушанным людьми вдумчивыми, хотя бы для того, чтобы они могли видеть, что существует возможное объяснение фактов, иначе необъяснимых.

Возьмите на минуту учение Дарвина в возможно более широком свете. Два важных пункта выступают при рассмотрении процесса умственного и нравственного развития. Во-первых, учение о том, что качества передаются ребенку родителями, и что с возрастающей силой этой передачи развиваются интеллект и нравственность. По мере того как человечество шаг за шагом движется ввысь, результаты этого движения передаются детям, которые начиная свой путь как бы с уровня, достигнутого человечеством в прошлом, оказываются в состоянии подняться еще выше и передать своему потомству еще более богатое наследство. Идя по этому пути, прогресс человечества кажется возможным и многообещающим.

Во-вторых, учение о борьбе, о так называемом выживании наиболее приспособленного (survival of the fittest), о тех качествах, которые дают возможность некоторым пережить остальных и, благодаря этому выживанию, передавать своему потомству те свойства, которые дали им самим преимущество в борьбе за существование.

И эти-то два основных положения — передача качеств и выживание наиболее приспособленного в борьбе за существование — и принадлежат к таким затруднениям, разрешить которые, стоя на обычной дарвинистской точке зрения, чрезвычайно трудно. Передачу качеств я разберу, когда буду говорить о Вайсмানে, но относительно второго положения вот вопрос, который мы можем предложить дарвинисту относительно развития высшего интеллекта и особенно нравственности: допускается, что такие качества как сочувствие, любовь, симпатия, самопожертвование сильного ради защиты слабого, готовность отдать жизнь для блага других, мы считаем чисто человеческими качествами в отличие от тех, которые мы разделяем с животными. Чем больше таких качеств в человеке, тем человечнее мы его считаем, и это так общепринято, что покойный профессор Гексли в своей последней лекции в Оксфорде — стараясь разрешить эту задачу — сказал, что человека, частицу космоса, приходится признать восстающим против закона космоса; что человек движется вперед самопожертвованием, а не выживанием сильнейшего; что он развивается самоотречением, а не подавлением слабого сильным, которое было законом в низших царствах природы. И он предложил вопрос: "как может часть восставать против целого и развиваться по закону, противоречащему закону прогресса во всех низших царствах природы? Потому ли это так, что в человеке есть то же сознание, какое лежит и в основе вселенной?" Хотел ли он ответить на этот вопрос утвердительно, мы не можем

сказать, но устами великого проповедника эволюции было произнесено, что для человека закон прогресса есть закон жертвы, а не закон борьбы. Но тогда, что же это значит, когда вы противопоставите жертву "выживанию наиболее приспособленного"? Ведь те, кто жертвуют собою, погибают. Как возникает и растет материнская любовь, даже среди животных, среди так называемых общественных животных, и даже среди наиболее жестоких — среди хищников? Как развивается это качество? Как оно растет? Мы ясно видим, что среди животных мать жертвует собою ради беспомощного детеныша, побуждая закон самосохранения, торжествуя над страхом перед человеком, свойственным природе дикого животного. Мать-птица, мать-животное пожертвует своей жизнью, чтобы отвлечь своего врага человека от норы или логовища, где спрятаны её детеныши, и любовь матери побеждает любовь к жизни. Но жертвуя собою, она умирает. Те, кто проявляют наиболее самопожертвования, погибают так же, как и жертвы материнской любви, если, как мы увидим при внимательном наблюдении, общественные человеческие добродетели ведут к тому, чтобы губить обладающего ими и оставлять в живых наиболее эгоистичных и грубых, то как объясните вы в человеке рост духа самопожертвования, как объясните вы этот непрерывный рост наиболее божественных качеств, которые делают человека неспособным к борьбе за существование? И дарвинизм не отвечает на этот вопрос по существу.

Те, кто изучали сочинения дарвинистов, знают, что вопрос не ставится целиком, что его скорее избегают, чем отвечают на него. Теория перевоплощения дает на него ответ, утверждая, что в непрерывной жизни животных или человека, благодаря самопожертвованию, возбуждается в характере новая сила, новая жизнь, которая снова и снова возвращается в мир, проявляясь всё более и более высоко; что только форма матери погибает, душа же её живет и возвращается раз за разом снова на землю. Такие души, как душа матери, продолжают развиваться дальше — сначала в царстве животных, потом в царстве человека; таким образом, все приобретения души, основанные на самопожертвовании, возвращаются в перевоплощающейся душе, чтобы давать счастье и благословение миру. Сохранение души делает возможным рост нравственности. Теперь мы перейдем к вопросу о передаче качеств, который, как я сказала, подводит нас ко взглядам Вайсмана. Вайсман установил два основных факта: первое — непрерывность физической жизни, — достаточно ясную и для обыкновенного наблюдения, но доказанную им методом, идущим далее, чем все предшествующие научные теории.

С одной стороны — непрерывность физической жизни, для дополнения которой мы нуждаемся, как мы увидим далее, в непрерывности интеллектуальной и моральной жизни. Необходимость такого дополнения, если принять теорию Вайсмана, вытекает из второго основного факта, установленного им же самим. Вайсман утверждает — и взгляд этот распространяется всё более и более — что умственные, нравственные и иные приобретенные качества не передаются потомку, что они могут быть переданы только, когда они медленно и постепенно вошли в самый механизм физического тела родителей. Если умственные и нравственные качества не передаются — а свидетельства, подтверждающие это, становятся подавляющими, — то где же искать причины человеческого прогресса,

раз не признавать, наряду с непрерывностью протоплазмы, непрерывность растущей, развивающейся души? Наряду с этой теорией, подтверждаемой наблюдениями, мы находим, что чем выше организм, тем сильнее стремление его к бесплодию или к очень большому ограничению числа производимых потомков. Гений — это наблюдение делается уже общим местом в науке — бесплоден, а это значит, что гений не стремится увеличивать численность расы; и с другой стороны, если у гения и есть ребенок, то этот ребенок не проявляет гениальности, но стоит на среднем уровне, а иногда даже склоняется к уровню ниже среднего. Вот это вопрос огромной важности для будущего, потому что гений наших дней будет служить показателем среднего уровня через тысячи лет. Гений наших дней, будь это гений интеллекта или гений добродетели — высшая точка современного прогресса, до которого со временем, через ряды поколений, поднимется его общий уровень. Если гений есть только игра природы, только результат счастливого случая, следствие неведомой причины, то он не приносит вести надежды, обещания будущего. Но если в этом индивидуальном гении находится душа, долгим опытом собравшая качества, с которыми она на этот раз родилась; если наряду с непрерывностью протоплазмы существует также и непрерывность души, растущей и развивающейся так же, как и формы развиваются, — да, тогда гений есть только предвестник более великого человечества, и самый низкий из детей Земли может надеяться достигнуть в будущем той высоты ума или добродетели, на которой стоит он. И такой взгляд на гения подтверждается исследованием; мы наблюдаем, что гений проявляется или как гений чистого интеллекта или добродетели, независимо от физической организации, или же, как у артиста, требует определенного содействия физической природы. Первый не требует ничего или очень мало от физической наследственности, но музыкальный гений не может обойтись без тонкости нервной организации, без тонкости осязания и чуткости уха. Эти физические качества необходимы для того, чтобы музыкальный гений мог проявиться во всей своей высоте. Здесь необходимо содействие физической наследственности. И что же находите вы, изучая историю музыкальных гениев? Что они обыкновенно рождаются в музыкальной семье; что за два или три поколения до рождения великого гения, некоторая доля музыкального таланта замечается в семе, где он появился, и что, после того как гений появился, этот музыкальный талант вымирает в семье, и она снова опускается до уровня посредственности. Семя расцветает гением; он же не передает своего гения потомству.

Вот эти вопросы и неясности в законе наследственности находят свое разумное объяснение в учении о перевоплощении. Что же оно из себя представляет? Оно говорит нам, что то, что одушевляет форму, есть частица жизни Бога. Как зерно, как семя, зародыш духа приходит в мир материи со всеми божественными возможностями, скрытыми в нем, так же как внутри семени скрыты возможности растения, породившего семя; в этом зародыше духа заключены все божественные силы, нужные для того, чтобы человек мог стать совершенным, как совершен Отец Небесный. Но для того, чтобы совершенство было достигнуто, необходим рост, опыт, эволюция; в каждой жизни на Земле должен быть собран опыт; в длинный промежуток между смертью и новым рождением собранный опыт перерабатывается в невидимых мирах в самое существо души. Когда этот зародыш духа возвращается на Землю, он возвращается с душевной оболочкой, созданной

из опыта, собранного в предыдущей жизни на земле, и врождённые идеи ребенка суть результат опыта земной жизни, лежащей позади его, опыта, который перерабатывается в качества в течение небесной жизни. Когда это превращение опыта в качество совершилось, дух и душа возвращаются на Землю, начиная путь с уровня, достигнутого прошлым опытом и усилиями, и продолжают эволюцию, имея преимущество врожденных качеств, т. е. результатов их предыдущей жизни. В продолжение новой жизни опять опыт, усилия — т. е. материалы для дальнейшего роста, опять превращение этого опыта в качества в период между смертью и новым рождением, и так далее, и так далее, ступень за ступенью по лестнице эволюции. Внизу этой человеческой лестницы самый низкий дикарь; вверху её — величайший святой и благороднейший ум, гений, созданный мало помалу бесчисленными усилиями, поражениями так же, как и победами, злом так же как и добром — злом прошлого, служащим ступенями, по которым человек поднимается к добродетели; таким образом даже в самом низком преступнике мы видим обещание божественности. Он также поднимется туда, где стоит святой, и во всех сынах человеческих проявится наконец Господь. Такова теория перевоплощения.

Теперь посмотрим, подходит ли она к фактам действительности с научной точки зрения. Мы знаем теперь, как растет гений. Он не является на свет, не имея ничего позади себя, внезапно созданный Богом. Он приходит на Землю с качествами, которые он сам постепенно развил усилиями, сделанными в прошлом. Мы можем понять, глядя на него, почему современные дети, рожденные от цивилизованных родителей, так восприимчивы к моральному учению, так отзывчивы на нравственный призыв, и почему ребенок дикаря, молодая душа, душа-ребенок, не может быть восприимчива к этим учениям, как бы старательно вы её ни воспитывали. Чуткость детей людей цивилизованных к нравственному идеалу, к нравственным правилам очень велика. Наш ребенок восприимчив к ним от природы; ребенок дикаря — нет. Вы не можете взять дикого ребенка и поднять его до уровня, на котором стоят ваши дети, даже покуда они в детской. У него нет способности отзываться. Но как только вы предположите существование вечной, развивающейся души и претворение опыта в качества, так что в характере новорожденного ребенка вы будете в состоянии видеть результаты его прошлого, тогда вы начнёте понимать, почему человек прогрессирует, несмотря на то, что умственные и нравственные качества не передаются по наследству, как справедливо утверждает Вайсман; ибо они — трудно завоеванные плоды победы каждой отдельной души, и каждая душа рождается в новое тело, обладая результатами прошлых своих жизней, для того, чтобы начать работу новых переживаний. Таким образом теория перевоплощения заполняет пробелы научной теории, отвечает на вопросы, на которые наука не может ответить; наблюдая за развитием современной науки, мы всё более убеждаемся, что теория перевоплощения необходима, чтобы дополнить научную теорию, и выяснить, почему, наряду с эволюцией формы, прогрессируют интеллект и характер. Наряду с этим признаки роста, замечаемые нами у людей, суть ясные указания на прошлое, на разницу душевного возраста, если можно так выразиться. Где бы вы ни наблюдали природу, вы везде найдете однородные вещи на различных ступенях роста и всегда заметите в более развитых представителях признаки прошлого, через которое они прошли. И это верно не только относительно тела,

это так же верно и относительно души человеческой: глядя на человека, вы видите все пройденные им стадии интеллектуального роста и все стадии нравственного роста. В настоящую минуту в одной этой стране, в одном этом городе, вы можете сопоставить людей, находящихся на совершенно различных ступенях развития ума и нравственных качеств. Как объяснить это? И не с нравственной точки зрения, которую я имею в виду, а с точки зрения научной? Откуда эти большие различия или откуда даже маленькие различия? Если вы скажете "рост", вы будете стоять на твердой научной почве, потому что везде в природе вы видите рост, разницу в величине, в развитии, везде природа указывает на различные ступени развития живых существ. Почему только относительно ума и нравственности этот принцип развития, объясняющий различие состояний, должен быть отброшен, принцип же — везде отвергаемый наукой — внезапного сотворения, внезапного, беспричинного появления, без подготовки и без объяснения, принимается, когда дело идет о различных ступенях ума и нравственности в отдельных человеческих существах? Кроме того, вы находите в человеческом сознании признаки его прошлого, подобные признакам прошлого в человеческих телах; сознание в новом теле быстро пробегает через прошлую свою эволюцию, что хорошо известно всем, кто наблюдал проявление сознания у детей.

Этот факт подводит меня к нравственной стороне вопроса. Я сказала, что перевоплощение необходимо для нашего нравственного сознания, если, стоя лицом к лицу с фактами жизни, мы хотим сохранить веру в божественную справедливость и божественную любовь. Возьмем два случая, реальность которых совершенно ясна каждому из вас. Я беру крайние случаи, чтобы сделать иллюстрацию очень яркой. Пойдите в один из вертепов Лондона. Дети рождаются в этих вертепах в ужасной среде с точки зрения и физической наследственности, и нравственного и умственного облика отца и матери. Об одном из таких детей вы справедливо можете сказать, что это дитя-преступник, даже пока он еще в колыбели; глядя на это детское тело, можно сказать, что этот ребенок обречен на жизнь несчастья и преступления. И по форме его головы и по всему типу лица можно видеть, что это преступный ребенок. И это правда. Эти дети — отчаяние воспитателя, как знаю я, имевшая с ними дело, как знают все, бывшие с ними в соприкосновении. Они не восприимчивы к нравственному призыву, и только страх — самый грубый из учителей — действует на них. Нравственной чуткости, которая есть у каждого из детей в вашей собственной детской, у них нет совершенно. Ребенок приходит в мир с печатью преступления на челе. Как он воспитывается? Он воспитывается в этой жалкой среде, которую некоторые из вас, может быть, знают, где учителями ребенка являются удары и проклятия, где ребенка учат красть точно так же, как вы учите ваших детей быть честными, где его секут за то, что он не солгал, где награждается порок и наказывается всякая попытка поступать хорошо. Такова атмосфера, в которой он воспитывается. Его учат смотреть на общество как на своего врага, на закон — как на своего тирана, на полисмена — как на своего противника; его учат поднимать руку на общество. Каков же неизбежный результат? Он попадает в руки закона. Закон пытается теперь быть более милосердным, чем 20 или 30 лет назад, и пробует перевоспитать его. Но перевоспитать возможно только того, кто обладает некоторой чуткостью ума и сердца. Я же беру случай — а их слишком много — где нет этой чуткости. Человек идет от одного преступления к другому, из одной тюрьмы в другую,

делаясь профессиональным преступником, этим стыдом нашей цивилизации. От одной ступени порока к другой идет он, и нет никого, кто бы мог помочь ему, спасти его, приподнять его, покуда, наконец, в безумную минуту отчаяния, опьянения или страсти он не нанесет смертельного удара, и тогда человеческая справедливость отнимает жизнь и у него, отнявшего чужую жизнь, и его жалкая судьба кончается в тюремной могиле. Его вина? Он был вечным неудачником.

Родится другой ребенок, и, глядя на него в колыбели, вы видите на нем печать гения; вы видите в форме головы и типе лица красоту человеческой души, живущей в этом детском теле. Он рожден от благородных родителей, которые окружают его атмосферой доброты, мягкости и нежности. Нежностью и ласками приучают его к благородству так же, как другого побоями приучали к преступлению.

Всякое его усилие поощряется, он слышит кругом себя слова одобрения и вдохновения, тогда как тот слышал только попреки и проклятия. Его прекрасные качества растут и развиваются; он делается всё более и более великим, по мере того как проходят года. Он получает самое лучшее образование, какое только может дать его страна; его соотечественники приветствуют его гений, как славу своей нации. Всё дальше и дальше подвигается он, всё больше и больше растет его слава, пока, наконец, среди выражений народного горя Вестминстерское аббатство не примет его смертных останков, а имя его сделается яркой звездой в летописях истории, перед которой преклоняются все. Его заслуга? Он родился гением.

Кто послал эти две души на их жизненный путь? Если вы говорите, что преступник пришел в мир, только что сотворенный Богом, и гений тоже пришел в мир, только что сотворенный Богом, то где же тогда божественная справедливость, на которой должны покоиться надежды человечества? Потому что если хороший мог быть прямо сотворен руками Творца, то зачем нужно было творить дурного? Если может быть сотворен гений, зачем существуют идиоты? Если может быть сотворен святой, зачем существует преступник? Я знаю, вы можете сказать: "на эти вопросы мы не можем ответить". Но ведь эти вопросы обращают сотни благородных сердец к неверию, к сомнениям, которые, по мотивам своим, более достойны уважения, чем вера. Я говорю о том, что пережила сама. Именно эти вопросы сделали меня неверующей на много, много лет. Человеческое страдание и, хуже чем страдание, человеческое унижение — потому что грех хуже, чем горе — сделали меня неверующей, потому что я предпочитала лучше совсем не верить в Бога, чем допустить, что в Сердце Мира возможны несправедливость и недостаток любви. И эти вопросы возникают не в легкомысленных, равнодушных и распущенных умах — они возникают в зрелых умах и благородных сердцах. И религия *должна* дать на них ответ, если она хочет сохранить свое влияние на лучших людей.

Это одна из причин, заставляющая меня просить вас обсудить этот вопрос, и мне кажется, что именно такие задачи человеческой жизни должны наиболее затрагивать духовных учителей народа.

Теперь взгляните на этот вопрос с точки зрения справедливости и любви. Некоторые религиозные люди верят, что одна эта жизнь решает всё будущее

человека. Другие не соглашаются с этим взглядом и думают, что и по ту сторону смерти возможен прогресс или же одинаковое счастье для всех. Если мы допускаем прогресс, то этим самым мы признаем самый принцип перевоплощения, потому что, если мы допускаем прогресс как закон жизни — в этом ли мире или в других мирах — мы должны признать рост духа и души. Но допустим вместе с большинством христианского мира, что эта жизнь решает всю дальнейшую судьбу души или, что хотя все достигнуто блаженства, эта жизнь всё же одна, одна единственная. Трудно нам будет примирить этот взгляд с фактами! Потому что одна человеческая душа рождается в мир в теле ребенка и умирает через несколько дней, другая же проходит через длинную жизнь в 60 или 70 лет. Если принять первую мысль, что эта жизнь решает всё будущее человека, то большой жестокостью является то, что долго живущий человек всю жизнь рискует заслужить вечную гибель, от которой ребенок избавлен одним только фактом своей ранней смерти. Это ужасная несправедливость, потому что никто не скажет, что ребенок, проживший несколько часов, рисковал каким-либо страданием после смерти.

Тогда за что же получит он плод блаженства, который может быть утрачен долго жившим человеком во время его трудной борьбы в мире? Эта разница в длине человеческой жизни находится в неразрывной связи с вопросом о справедливости, если допустить одну только жизнь. Зачем нужна жизнь, если ребенок, живший только два или три часа, достигает той же бесконечности блаженства, как и человек, усилиями целой жизни развивший в себе добрые качества и восторжествовавший над искушениями? Имеет ли эта жизнь значение, или нет? Этот вопрос нужно решить. Если она не имеет значения и ребенок, умирая, находит вечное блаженство, то очень жестоко, что столько людей должны переносить жизнь горя и страданий и в конце её ничего не получить взамен. К чему же служит опыт, если эта теория о жизни справедлива? Когда умирает старик, исполненный мудрости, исполненный опыта и нежного сочувствия и сострадания, то где же будут использованы эти плоды его жизненного опыта? В жизни бесконечного блаженства? Они бесполезны в той жизни. Но они нужны миру, мир нуждается в них. И если человек может принести их обратно на Землю для служения человечеству после того, как в потустороннем пребывании качества эти преобразовались в самую суть его природы, — да, тогда эта длинная жизнь принесет действительно живые плоды, и мы сможем понять ценность физической жизни, как одного из двигателей вселенной. Если же предположим, что физическая жизнь *нужна* по ту сторону, то что же сказать о ребенке, лишенном этой единственной возможности собрать драгоценный опыт и вступающем в вечность с чувством неудовлетворения и постоянной нужды в этой одной человеческой жизни, которой другие обладают.

Перейдем к другому вопросу, который мне кажется ещё более важным с точки зрения божественной справедливости, — к жизни порочного, к жизни пьяницы, к неразвитой человеческой душе, которая просто влачит свое существование, с непробужденным сознанием, неспособная оценить красоту этого удивительного мира и всех чудес, заключенных в нем.

Сравните такое создание, жизнь которого есть ни что иное, как несколько чувственных ощущений, несколько страстей и случайных грубых мыслей,

сравните этот единственный его жизненный опыт с жизнью культурного, мыслящего, развитого ума, наслаждающегося всем, что есть прекрасного и изящного в этом мире; сравните и спросите, почему же один в своем единственном жизненном опыте влачит это жалкое существование среди нечистой тины жизни, тогда как другой, рожденный совершенно так же, как и первый, ничего не имея позади себя, предназначен для наслаждения красотой и способен находить в своем земном опыте так много интересного и поучительного? Если у всех только один опыт, то такое различие представляется нехорошим, несправедливым.

Как смотрит на это учение о перевоплощении? Оно говорит нам, что из недр Вечного Отца исходят те зародыши духа, которые он посылает в мир материи для того, чтобы они росли и развивались; все постепенно растут, развивая присущие им качества; человек рождается в мир, чтобы сделаться совершенным. Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что значат эти удивительные слова Христа: "будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный?" Подумайте, как прекрасен этот идеал. Но как же достигнуть его? Ведь и мы, которые согласно с учением о перевоплощении, стоим так высоко сравнительно с самым началом нашей духовной жизни, разве мы можем сказать, что с нашими слабостями и безрассудством, с нашими ограниченными знаниями и способностями мы можем в течение одной этой жизни, даже если начать её со всеми имеющимися у нас преимуществами, сделаться совершенными, как совершен Бог в небесах? И всё же не к меньшему, а именно к этой цели предназначен человек, и не меньше, а именно таково значение слов Христа к его ученикам. Конечно, он, которого называют Истиной, не дал бы неисполнимой заповеди. И мы имели это божественное совершенство внутри нас так же, как внутри зерна скрыта возможность дерева. Но нам нужно время для исполнения этой заповеди, для проявления во всей славе того Образа, по которому мы сотворены. Следовательно, и с этой точки зрения перевоплощение является необходимым. Вы можете сказать: "да, в других мирах". Но почему же? Каков смысл посылать людей на всякой стадии развития именно в этот мир? Где же высшие достигли развития своих сил? В других мирах до рождения? Если так, то какой же закон определяет, для которого урока человек приходит в этот мир и для которого уходит в другие миры? Потому что здесь — на Земле — все различия — и низжайшее, и высочайшее, и каждая промежуточная ступень. А если вы допускаете рост по ту сторону, то вы должны объяснить разницу в развитии в *этом* мире — почему один одарен гораздо более щедро, чем другой? Не более ли правдоподобно, разумно и согласно с нашими знаниями о природе допустить, что этот мир — школа, в которую души приходят, начиная с детских классов, поднимаются ступень за ступенью, жизнь за жизнью, пока не достигнут высшего класса школы и не перейдут затем в другие миры, где должны быть выучены иные уроки в великом процессе эволюции? Но в этом мире надо пройти ряд классов, который невозможно успеть пройти в течение одной жизни. И с этой точки зрения перевоплощение является необходимым, не говоря уже о том свете и вдохновении, которые эта идея дает человеческой жизни. Потому что, если я знаю в этой моей жизни, что каждое усилие, которое я делаю, каждый порыв, в котором я возношу свое сердце к Богу, каждая надежда, которую я стремлюсь осуществить, каждый труд, который я несовершенно стараюсь исполнить, есть семя жатвы, которая

будет собрана мною же, созидание способностей, которые я сама впоследствии смогу употребить на служение Богу и людям; если я знаю, что как бы слаба и невежественна я ни была, всё, что я узнаю, есть мое навеки, и что я должна возвращаться на Землю, пока не будут выучены все уроки жизни, — тогда я не стану приходить в отчаяние от того, что я еще невежественна, неразумна и грешна; я буду знать, что хотя я слаба сегодня, я буду сильна завтра, и что нет ни одной вершины, достигнутой величайшим святым, которая не была бы со временем достижима и для меня, поднимающейся по той же лестнице, по которой так долго поднимался и он. Надежда на возможность совершенства вносится в жизнь каждого человека; свет перевоплощения озаряет человеческую жизнь, и когда я вижу падшего, жалкого, самого низкого из человеческого рода, — я могу чувствовать, что он только мой младший брат, дитя в школе жизни, где я пробыла дольше чем он, я могу иметь к нему ту нежность и сострадание, которые старший брат чувствует к ребенку, ползающему по полу. Без ненависти, без презрения, без насмешки смотрю я на него, но с чувством уверенности в существовании одной общей жизни, которая проявится и в нем позднее, потому что я в прошедшем боролась там же, где борется он сейчас. В этом секрет для поднятия падших, какой иные верования, мне кажется, не могут дать; потому что, если падшие не усвоят этой идеи, у них всегда останется сознание несправедливости и неравенства; им будет казаться, что они брошены в этот мир, которого они не прошли, брошены на унижение и несчастье. Если же они поймут, что их трудная доля только начало испытаний, ведущих к раскрытию божественной жизни, пребывающей внутри их, только изучение азбуки жизни, то не может быть ни чувства отчаяния, ни гнева, а лишь признание совершенной справедливости и совершенной любви в Сердце Мира. Мне кажется, что есть только одно объяснение существования любви наряду с человеческим страданием — это необходимость испытаний для проявления божественных задатков в человеке. Если страдание не необходимо, его породила не любовь, а если оно необходимо, все должны пройти через страдание, или же навсегда остаться несовершенными за неимением необходимого опыта в человеческой жизни.

Оставим взгляд на необходимость перевоплощения и спросим, принадлежит ли это учение, которое кажется таким необходимым, христианскому миру так же, как и другим народам и религиям? Всякий изучающий этот вопрос знает, что учение о перевоплощении было распространено среди евреев. Вы можете прочитать в их книгах, что верование это было всеобщим в прежние времена. Убедиться в этом вы можете из вопросов, которые в Евангелии ставятся время от времени апостолам или Христу. Вспомните слова, сказанные Христом апостолам, когда они спросили его об Иоанне Крестителе: "если хотите принять, это Илия". Вспомните его ответ, когда ученики передали ему вызывающие слова иудеев: "как же сказано в Писании, что Илия должен прийти сначала?" Его ответ был: "он уже пришел" и они поняли, что он говорил об Иоанне Крестителе. Это только один случай, показывающий нам, что учение это было распространено среди иудеев. Вы можете найти также в еврейских книгах, что несовершенные души должны возвращаться на Землю.

Потом вспомните опять из самого Евангелия эти удивительные слова относительно слепорожденного: "Кто согрешил: он или родители его?" — этим

признается возможность греха до рождения. Теперь ответ, который дан: "Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии" — другое значительное доказательство. Потому что, если бы Христос не допускал предшествующего рождению греха, как не допускает его современное верование, то единственным ответом было бы: "Зачем предлагать глупые вопросы о том, рожден ли человек слепым потому, что грешил до рождения? Как мог он грешить до рождения? А в Евангелии дана другая причина для объяснения слепоты, но не сделано естественного порицания за безумное приписывание врожденного недостатка греху родившегося.

Перейдем от этих свидетельств христианства к учению и писаниям в первые столетия после Христа и посмотрим, как часто в трудах великих Отцов Церкви проповедуется это учение о предсуществовании души. Одно из наиболее определенных учений об этом находится в писаниях благороднейшего из Отцов Церкви — Оригена. Он утверждает, что каждый рождающийся в мире получает тело соответственно своим заслугам и предыдущим действиям; это утверждение очень определено. А Ориген, помните, был один из величайших умов, которыми могла гордиться древняя церковь, один из наиболее благородных и чистых характеров; и он выразил это учение ясно и определено.

Возьмите других великих епископов, и вы найдете, что они говорят то же самое; в продолжение пяти с половиной столетий после смерти Христа в христианской церкви было распространено это учение. И когда, в середине VI века, оно было осуждено собором, оно всё же не было осуждено целиком, но лишь той форме, как его проповедовал Ориген; таким образом, решительно ни один христианский авторитет не высказался против самого учения.

Католик может возражать против той формы, в которой представил его Ориген, и говорить, что форма эта была осуждена церковью, но он не может сказать, что всё учение о перевоплощении было осуждено, потому что такое осуждение учения неизвестно в христианской истории. С другой стороны, его постоянно проповедуют люди, вера которых исходит из первоисточников. И оно никогда не исчезало совершенно. Пусть оно исчезло из учения официальной, господствующей церкви — оно сохранилось во многих так называемых еретических сектах. Альбигойцы исповедовали перевоплощение. Многие другие секты в течение средних веков и позднее, имевшие притязания на обладание более истинным преданием, чем предание римско-католической церкви, сохранили это учение как часть первоначального предания. А когда вы просматриваете различных христианских писателей, как часто встречается у них это учение, особенно у философов и поэтов: у поэтов благодаря их интуиции, у философов — потому, что, как сказал Юм, единственное учение о бессмертии души, с которым может считаться философия — это учение о её предсуществовании. И это неизбежно: если философ признаёт, что человеческое тело, дающееся душе при рождении, необходимо для её существования, то отсюда является вероятным, что когда смерть поразит это тело, то и душа перестанет существовать. И одно из оснований современного скептицизма заключается в этом поразительно нелогичном учении, что душа, которая должна вечно существовать после смерти, не существовала вечно до рождения. Вы увидите позднее, каким интересным образом это учение появилось в англиканской церкви. Мне попался года три тому назад один памфлет,

написанный священником англиканской церкви в XVII веке, где он излагает, как одно из главнейших учений христианской церкви, учение о предсуществовании души; в своем памфлете он ссылается на множество других, написанных около того же времени и заключающих в себе то же учение, цитирует их, прослеживает то же учение у первых Отцов Церкви и в великих церквях христианского мира. И хотя он и утверждал это, он, по-видимому, не был осужден ни своим епископом, ни кем-либо другим, кто бы считал его взгляд несовместимым с истинным христианским учением. Возьмите немецких философов — вы непременно найдете у них эту теорию. Возьмите Гёте, одного из тех великих интуитивных умов, которые видят истину, скрытую за внешностью вещей. Или вы забыли, что лучший христианин из поэтов Уордсворт провозгласил много раньше того, как появилось Теософическое Общество, для смущения людских умов Англии:

Our birth is but a sleep a forgetting
The soul that riseth with our life's star
Hath had elsewhere her setting
And cometh from afar*

---

* Рожденье наше — сон, забвенье;
Душа, в нас спящая, — звезда —
Гостившая в иных владеньях
Издалика пришла сюда

Вот его взгляд: "hath had elsewhere her setting" [пребывала где-то в другом месте]. Поэт за поэтом учат одному и тому же, видя при свете своего гения то, что скрыто за покровом материи, и предчувствуя, благодаря поэтической интуиции, истину о человеческой душе. И когда мы увидим, что это учение исповедуют первые Отцы Церкви; что на него ясно намекает, чтоб не сказать больше, его подтверждает Христос; когда мы увидим, что оно существует в христианстве в продолжение всей его истории, хотя официальная церковь его и отвергает; что оно снова появляется в Англии в самом сердце англиканской церкви в XVII веке; что оно подтверждается английскими поэтами и немецкими философами — когда мы увидим всё это, не лучше ли будет смотреть на идею перевоплощения как на часть великого наследия, принадлежащего христианскому миру, а не как на враждебное учение, исходящее из других религий? Совершенно верно и то, что все великие религии прошлого проповедовали это учение. Вы найдете его и в "Книге мертвых", вы найдете его и в Халдее, и в древних учениях Китая, и во всех индусских и буддийских писаниях; вы также найдете его в Греции и Риме. Но не потому излагаю я его здесь, слушателям, собравшимся в христианской стране: я говорю вам — оно столько же и ваше; и если вы примете учение о перевоплощении, не принимайте его, как чуждое учение, исходящее из другой религии. Примите его как часть великого христианского откровения и учения. Допустите, что оно исчезло на время среди той тьмы невежества, которая окутала Европу; допустите, что оно скрылось под поверхностью во времена, когда люди не думали о тех вопросах, с которыми сталкиваетесь вы теперь. Но если вы цените дело, которое на Западе должна сделать христианская религия — единственная религия, возможная на Западе, потому что ему была дана именно она — если вы цените эту религию, то не отбрасывайте, как нечто чуждое, учение, возвращающееся в христианскую церковь через её лучших мыслителей и её

лучших учителей. Священник за священником в англиканской церкви принимают учение о перевоплощении и начинают проповедовать его. Писатель за писателем начинают видеть в нем спасение христианства от нападков скептицизма совести и ума. И я предлагаю вам подумать о нем — не для того, чтобы принять его, потому что верование, которое вызвано одной короткой лекцией, не стоит многого, как умственное убеждение, и будет бесполезно в применении к жизни. Я прошу вас подумать и, подумав, избавиться от предрассудка, который заставляет вас считать это учение чуждым и нехристианским и признать, что если оно истинно, то оно неизбежно должно быть частью и христианской истины; и история оправдывает это утверждение.

Друзья, если я говорю вам об этом сегодня, то только потому, что я знаю, сколько надежды, силы, бодрости дает это учение среди трудностей мира. Я знаю, что значит для тех, чье сердце разбито, кто впадает в отчаяние перед загадками жизни — что значит для них увидеть свет, делающий жизнь понятной, потому что терзание неудовлетворенности и тревоги ума есть одно из ужаснейших терзаний современного мира. Быть в состоянии понять, кто мы, откуда пришли и куда идем, видеть во всем мире один закон, так же как и одну жизнь, но чувствовать, что нет пристрастия, нет несправедливости, нет недостойного отношения ни к одной человеческой душе и ни к одной человеческой жизни; что все растут и все развиваются; что наши старшие братья — только старше нас, а не существа отличные от нас по природе; что самый младший будет таким же, как самый старший, что внутри человека живет развивающийся дух его Отца, и что он будет совершенным, как совершенен его Отец — вот надежда, нет, не надежда, а уверенность, которую это учение дает человеческой душе. И когда мы проникнем в его смысл, мы можем стать лицом к лицу с несчастьем, со страданием, с отчаянием жизни и знать, что в конце, оглянувшись на этот страдающий мир, мы скажем "он был от Бога, он исшел от Бога и к Богу возвращается".

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

